

The background of the cover is a soft, painterly illustration of a sunlit window looking out onto a lush green park with trees and a path. In the foreground, a dark wooden table holds two cups of coffee. On the left, a person's hand in a light blue sleeve holds a dark cup. On the right, a person's hands in a pink sleeve hold a white cup. Between the cups sits a small, arched, stone-like plaque with text. The overall mood is warm and cozy.

Анна Евдо

История,
..рожденная
...из кофе
...и 15
четверостиший

30
Чашек кофе

Анна Евдо

30 чашек кофе

«Автор»

2020

Евдо А.

30 чашек кофе / А. Евдо — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-94144-1

История, рождённая из кофе и пятнадцати четверостиший. С чего начинаются отношения? Со случайной встречи, загаданного желания или чашки кофе? С порыва или со сдержанности узнавания? У каждой пары своя история. Какую же расскажут Анастасия и Павел...

ISBN 978-5-532-94144-1

© Евдо А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

От автора	5
Пролог	6
1. Кофе (13 мая)	7
2. Вкус (14 мая)	11
3. Блюдо (15 мая)	15
4. Книги (18 мая)	18
5. Мебель (19 мая)	21
6. Удивление (20 мая)	24
7. Мечта-желание (21—25 мая)	27
8. Забота и ограждение (26 мая)	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анна Евдо

30 чашек кофе

От автора

«Пей чересчур много кофе, носи слишком тёмную помаду и никогда не соглашайся на жизнь, которая тебе не нужна», – советовала Моника Беллуччи.

Выпьем по чашечке кофе, поговорим, понаблюдаем, поделимся, подарим себе паузу, не будем торопиться. Узнаем друг друга и откроем себя.

Пролог

Верить. Во что-то или в кого-то. Нужно ли? И я сейчас не про Бога. Я про всё остальное. Глупое и серьёзное. Смешное и несуразное. Про интуицию и приметы. Про талисманы и числа. Про своего человека и внутреннюю себяшку.

1. Кофе (13 мая)

– Обнимашки!

Вокруг шеи матери охотно обвилились маленькие ручки.

– Ты познакомишься и поиграешь с другими детками, а я схожу по делам и заберу тебя через час. Договорились?

Малышка очень серьезно кивнула, глядя маме в глаза. После чего воспитательница подала девочке руку, которая была спокойно принята, и увлекла машущую на прощание девочку в толпу детей.

Ребёнок пошёл в садик! В голове пока не укладывалось, внутри трепыхалось волнение и беспокойство. Ей позвонили ещё до майских праздников, сообщив, что неожиданно освободилось место в группе и вполне вероятно начать ходить раньше запланированной даты. Можно было поставить галочку в уме, произвольно приняв такой поворот за хороший знак, потому что Поля родилась чуть раньше предполагаемого срока, а всё, что происходило в жизни заблаговременно, в результате оказывалось к добру.

Сразу же было решено отводить дочь утром, к восьми, чтобы установить режим. Сначала на час, а дальше как пойдёт.

Она медленно обошла территорию садика вдоль забора и обнаружила небольшую круглосуточную кофейню с торца трёхэтажного здания, в котором постоянно сдавались в аренду какие-то площади. Ещё один хороший знак – начать переходить на кофе без сахара.

Внутри оказалось вполне мило. Уютно. Вдоль окна в пол слева от входа расположилась полка-столешница с тремя барными табуретами. Приветливая официантка улыбочиво произнесла: «*Доброе утро!*» – и указала на грифельную доску над кассой.

– Основной ассортимент и напиток дня указаны здесь. Можете пока выбрать место и посмотреть меню. – Девушка обвела рукой зал.

Она кивнула и улыбнулась в ответ.

– Случайно заметила это заведение. – Прошла к зовущей барной стойке у окна и забралась на дальний стул. – Очень кстати.

– Мы открылись в начале весны. – Таисия, как подсказывал бейджик, положила перед ранней посетительницей папку в кожаном переплёте. – Мы рады, что вы к нам заглянули.

– Спасибо. Я буду только чёрный кофе. Меню можете забрать.

Она облокотилась о столешницу и посмотрела в окно. Природа оживала, пейзаж менялся на глазах. Каждый майский день дарил чудо. Всё распускалось, зеленело и расцветало. Она вытащила из сумки блокнот и карандаш. Разместила их вместе с телефоном перед собой. Проверила сообщения, понимая, что воспитательница не станет беспокоить, и все чрезмерные волнения вызваны лишь собственной мамской опекой. Вывела на чистой странице: «НН АА ЕЕЕ ОО И ТТ К С Р», – и погрузилась в мысли.

Фоном звякнул входной колокольчик, «*кофе с молоком, как вчера*» и вопрос, который вывел из задумчивости:

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Она взглянула на нежданного собеседника. Мужчина, около тридцати, интересный. Короткая стрижка. Тёмные волосы, тёмные глаза, чётко прочерченные, уверенные и одновременно мягкие губы. Она уставилась на эти губы и ответила именно им:

– Не возражаю, если присядете за эту же стойку.

Намёк на тень улыбки в уголках рта и кивок.

– Благодарю.

Она заставила себя вернуться к записям, прогоняя очертания губ случайного соседа, проявлявшиеся в линиях букв волной прописной Е и ножками печатной Н.

– Ваш кофе. – Слева появилась чашка оттенка кофейных зёрен.

– И ваш. – Раздался глухой стук блюдца о деревянную поверхность.

Чашка мужчины, напротив, была цвета слоновой кости, в тон его тонкому пуловеру.

Она подцепила щипчиками кусочек сахара. Помешала не глядя и одновременно протянула стрелочку вниз от одной из Т, записав под ней ТИХОЕ. Отпила из чашки, обводя буквы в слове, и тут же посмотрела в свой напиток, едва сдержавшись, чтобы не выплюнуть содержимое обратно. Рядом раздался смешок.

– Похоже, я к вам всё-таки присоединился.

Кофейный компаньон подвинул к ней свою чашку, светлые стенки которой отражали чёрные блики. Она снова посмотрела в чашку в своей руке. Кофе с молоком в тёмной кружечке. Контрастно. И улыбнулась.

– Похоже, присоединилась я. Или вы тоже успели сделать глоток?

– Нет, не успел. Так что пейте смело.

– Я закажу вам точно такой же.

– Не беспокойтесь. – Он перехватил доставшуюся ей чашку и отпил с другой стороны. – Я достаточно брезглив, но не зря же я вам так навязался.

Она недоуменно смотрела на него. Нет, на его губы. *Да что ж они покоя ей не дают?!*

– Тем более вы добавили ровно столько сахара, сколько я люблю.

Она неопределённо качнула головой, подсластила немного второй кофе и наконец получила глоток своего личного удовольствия.

– Вариация на тему латте? – Она повела бровями в сторону его чашки.

– Латте в крайнем случае. Я люблю по старинке чёрный кофе с молоком, лучше со сливками. И с сахаром. Не во всех заведениях соглашаются сделать именно так, но я туда больше не хожу.

Она улыбнулась. Явно чему-то в своей голове. Теперь он повёл бровью, вопросительно.

– Ваши слова напомнили мне мысли одной небезызвестной героини, а она была категорично уверена в своём мнении. Не скажу сейчас дословно, но враги лишили её удовольствия пить настоящий кофе со сливками и сахаром, и этого было достаточно, чтобы она возненавидела их всей душой¹.

– Мой человек, – усмехнулся он. – Простите, но, хоть героиня и небезызвестна, назовите ее.

– Это Скарлетт из «Унесенных Ветром».

Он продолжал смотреть на неё с тем же вопросительным выражением лица.

– «Унесенные Ветром» – слышал, но не более.

Она засмеялась.

– Зато мысли героини очень созвучны вашим.

– А вы пьёте чёрный?

– В кофе люблю чистый вкус. Надеюсь, через некоторое время приучу себя пить его совсем без сахара.

– Очистите полностью, – резюмировал он.

– Точно. – Она приложила усилие, чтобы бегло посмотреть ему в глаза, а не на губы.

Они выпили по полчашки. Она продолжила выводить что-то в блокноте, он ответил на сообщение в телефоне.

– Позвольте поинтересоваться?

Она выжидающе подняла взгляд.

– Вы что-то сочиняете или пытаетесь вспомнить?

¹ * «Янки лишили ее удовольствия пить настоящий кофе с сахаром и сливками, и одного этого было уже достаточно, чтобы она возненавидела их всей душой». («Унесённые ветром», Маргарет Митчелл, 1936г.)

– Почему вы так решили?

– Вы методично обводите одни и те же линии, думаете, пишете одно слово и снова обводите. Не строчите автоматом, а старательно вылавливаете.

Она широко усмехнулась.

– Вы прозорливы, отдаю вам должное. Мне нужны четверостишия на каждую из этих букв. – Она приподняла и повернула к нему блокнот.

– Оригинальный набор. Он что-то значит?

– Да.

– Но что – не скажете?

– Нет.

– Покажете конечный результат?

– Думаю, сегодня мне вряд ли удастся чего-то достичь.

– Тогда приглашаю вас завтра на чашку утреннего бодрящего в это же время. Обещаю оказать посильную помощь. С рифмой я абсолютно не дружу, но с ассоциациями порядок. Проверьте. Любая тема.

Он пригласил её на кофе и сам же вплёл это приглашение в разговор, не требуя ответа. Она смотрела на него с полуулыбкой.

– Вы назначили мне новую встречу, но будто не хотите получить ответ. Или оставляете право выбора за мной сюрпризом?

– Хочу получить ответ. Выбор, безусловно, за вами. А себе предпочитаю оставить надежду.

Она выдержала паузу и улыбнулась:

– Что ж, посмотрим, оправдаю ли я её. – И допила подостывший кофе.

– Ассоциации, значит. Хорошо. – Она взяла карандаш, перебирая по нему пальцами. –

КАРАНДАШ.

Оба видели, как он смотрел на её пальцы, способные легко посоперничать в тонкости с самим предметом обсуждения.

– Дерево, рисунок, исправление, простота, шуршит.

Её глаза сверкнули смесью удивления и восхищения.

– Сегодня прибавилась еще одна: ваши пальцы, подвижные женские пальцы, но именно ваши. Вы на нём будто играете.

Она не смутилась, только хмыкнула.

– Да вы художник прозы!

– Лишь отдельными ассоциациями. – И тоже допил кофе.

Она вдруг записала несколько слов.

– Вы подкинули мне одну идею. – Закрыла блокнот, подхватила телефон и спустилась с табурета.

– Мне пора. Завтра я дам вам прочитать, что получится по четверостишию на Т. – Она подмигнула и прошла к кассе.

Он развернулся, делая знак принести ещё чашку кофе, провожая нечаянную собеседницу взглядом и понимая, что внутренне рад её согласию на встречу гораздо больше, чем того можно было ожидать.

Он оказался в этом тихом районе по совету партнёра. Требовалось найти спокойное место, подальше от центра и основного офиса, где их компьютерные умы могли бы работать в любое время суток по своему личному графику. Здание с подходящим помещением, сдаваемым в аренду, было третьим в списке, составленном его помощником. Он прокатился здесь ещё вчера, проверив нашедшуюся тут же кофейню, не строя точных планов и ни на что особо не надеясь.

Всё произошло с точностью до наоборот. Его неожиданный заказ благосклонно приняли и даже предложили на выбор обычное молоко, сгущёнку и сливки. Собственник назначил встречу сегодня на 09:30. Он просто приехал раньше, чтобы выпить вкусный кофе. А десертом получил необычную посетительницу, усевшуюся на подмеченное им самим место. С ней было уютно. И легко. С убранными за уши волосами до плеч, без макияжа, не девочка, лет двадцати семи, с сумасшедшими пальцами и прямым взглядом. Она не заигрывала с ним, но манила загадками в своём блокноте и мыслями в темноволосой голове. Её хотелось поразгадывать. Он правда хотел её снова увидеть и выпить вместе утренний кофе. Не свидание. Общение. *Завтра узнаю её имя. Сегодня было как-то не до того.* Он мотнул головой и попросил счёт.

Детский сад её ждал. Марина Алексеевна прикрыла дверь и радушно кивнула:

– Вы пунктуальны. Полина покушала, поучаствовала в зарядке, играет. Можете ещё погулять, пока она вас не заметила.

– Я обещала ей прийти через час.

Воспитательница улыбнулась немного снисходительно.

– Думаете, в два года ребёнок пожурит вас за опоздание?

– Нет, но мы с ней договариваемся. Как же я смогу требовать от неё держать слово, если не буду держать своё?

2. Вкус (14 мая)

Он заметил её в окне ещё из машины. *Она рано.* Думал, что приедет первым и закажет кофе на двоих. *Что ж, главное, она пришла, а угостить ещё успеется.*

Она заметила его из окна. По выражению лица стало понятно, что он надеялся приехать первым. Поинка загорелась садиком, оставалось лишь воспользоваться желанием ребёнка, проснувшегося самостоятельно до будильника, поэтому они вышли пораньше.

– Привет! – Сегодня он был в строгом костюме, с расстёгнутой верхней пуговицей рубашки, без галстука.

– Доброе утро! – Она указала на чашку рядом со своей. – Я заказала вам кофе. Однако, уважая ваше приглашение и потакая своей женской сущности, договорилась, что общий счёт выпишут вам.

Он засмеялся.

– Благодарю, прекрасная дама, за столь чуткое понимание моей джентльменской природы! – Он шутиливо поклонился. Она величественно кивнула, стрельнула глазами и рассмеялась.

– С вами легко.

– С вами тоже. – Она улыбалась.

– Может, перейдем на «ты»?

– Я за.

«Ты» казалось уместным и само собой произнесённым.

– Павел.

– Анастасия. – Она протянула руку.

Он сжал кончики её пальцев и поцеловал.

– Назвался джентльменом – следуй этикету.

Анастасия согласно опустила глаза, одаривая его мимолётной улыбкой. Павел уселся на табурет и увидел прижатый блюдцем сложенный пополам листок в клеточку. Взялся за него двумя пальцами.

– Обещанное четверостишие?

– Оно самое. Но сначала по глотку любимого и пока что горячего кофе. – Она подняла свою чашку.

Они чокнулись.

Он развернул записку и прочитал про себя. Анастасия внимательно следила за ним. Павел посмотрел на неё.

– У меня банально шуршит карандаш. У тебя загадочно шуршит пыль. – Он слегка поджал губы, прикусил нижнюю, и она снова примагнитилась к ним. Он зачитал вслух:

*«Тихое бывает, намёками,
до шуринок пыли,
словно в тайном логове
звуки позабыли...»*

– Расскажешь, о чём пишешь и зачем сочиняешь именно на заданные буквы?

– Пока нет. Есть идеи?

– И снова банально – о молчании. Хотя мне интересно дождаться следующих загадок от тебя.

– Посмотрим, как пойдет, – ответила она, допивая кофе, и о сочинительстве, и о его намёке на продолжение знакомства.

- Как успехи в уменьшении количества сахара? – Он чуть склонил голову.
- На пару крупинок меньше! – Она с гордостью задрала нос.
- Павел фыркнул.
- Прогресс налицо!
- Я уже говорила, что люблю чистый вкус продукта. Я его получу, – серьёзно заметила она.
- Упорная. – В глазах плясали чёртики.
- Не то слово!
- Чистый вкус в кофе. Или во всём? – Он развернулся к ней, слегка привалившись к краю стойки.
- Наверное, во многом. – Анастасия обхватила ладонями чашку. – Например, в одежде у меня однотонные вещи или уж совсем классическая клетка и полоска.
- Ну, ты сейчас одета в белый свитер и синие джинсы.
- Я не против сочетать, но сам по себе мой свитер чисто белый и сами по себе джинсы в одном цвете.
- Я понял. – Павел кивнул. – Всякие разноцветные прядки в волосах и пёстрые цыганские юбки не про тебя.
- Не про меня. – Она покачала головой, рассыпая волосы по плечам. – Я люблю чистый чёрный чай и чистый зелёный, в то же время обожаю чай на разнотравье. Балдею от двух алкогольных коктейлей. А это уже явно не чистый вкус.
- Позволишь попробовать угадать?
- Пожалуйста. – Анастасия взглянула на него с вызовом.
- Думаю, классика. «Мохито»?
- Не-а. Но тоже на М, – подзадорила она.
- «Маргарита»?
- Один из двух. – Согласие ресницами. – Классическая.
- И... «Отвёртка»?
- Мимо! – Ей нравилась эта игра в угадайку. – Второй тоже на М.
- Мартини с тоником?
- Мартини, без тоника. «Мартини Рояль».
- Не знаю такой. – Он пожал плечами.
- Тогда не буду пока раскрывать другие ингредиенты.
- Загадка за загадкой. – Закатил глаза.
- Легко разрешимая, стоит оживить телефон и набрать в поисковике. – Она постучала ноготком по гладкому корпусу.
- Так неинтересно. Я лучше как-нибудь попробую по-настоящему – вдруг вычислю состав.
- Пока пробуй свой кофе с молоком, – засмеялась Анастасия.
- Ему нравился её смех. Звонкий и от души.
- Ты не любишь именно кофе с молоком или молоко вообще?
- К молоку равнодушна, кофе же только сам по себе. А ты пьёшь молоко?
- Мхм, пью. Люблю в нём печенье размачивать.
- О, почти коллега! Я тоже люблю размачивать печенье, но только в чае.
- Я уже понял, что кофе для тебя неприкосновенен. – Павел очертил пальцем невидимые границы вокруг чашки. – Что ещё тебе по вкусу в чистом виде?
- Фрукты по отдельности. Не люблю всякие салаты-мешанки. Природа в чистом виде.
- Утро. Солнечный свет сквозь облака. Умные люди.
- Она посмотрела на него.
- Секунду, отправлю себе на почту мыслишку.

– На следующую букву из списка?

– Ага.

Она отвлеклась на телефон, а он рассматривал её. *Какие у неё изящные руки. Танцевальные, как говорила бабушка. Они словно всегда на своём месте, не мешают, не нужно придумывать, куда их деть. И сама она вся изящная. Осанка, речь, шея, наклон головы. Можно нас назвать изящным? Плевать на правила. Её точно можно.*

– Приоткрой завесу тайн своего вкуса, – Анастасия вклинилась в его откровенное рассматривание её самой, вклинилась изящно.

– Надеюсь, что он у меня есть, – пошутил Павел.

– Однозначно. Существует такое выражение, что, если человек не уверен в своём вкусе, он у него точно есть².

– Мне по вкусу кофе с молоком, как ты уже знаешь.

– Факт, – констатировала она.

– Не люблю пустозвонов, поэтому уважаю людей дела. Быстрая езда, чтобы ветер в лицо. Походить босиком по тёплой земле. Ощущение, когда получаешь результат, которого доби-
вался. Мамина улыбка. Загадочные женщины. Честность.

– С тобой легко быть честной. Не просто в ответ, а потому что так будто и должно быть. Не нужно и совсем не хочется притворяться.

Они помолчали, глядя в глаза друг другу. Он поднялся.

– Сегодня мне пора. – Взглянул на часы. – Ещё нужно проскочить в центр к десяти часам. Ей стало радостно. Настя удивилась, что не только приятно, а именно радостно осозна-
вать, что он приехал сюда в такую рань, чтобы выпить с ней кофе.

– Конечно. Успеешь. Основной поток тех, кому к девяти, как раз схлынул.

– Завтра на том же месте в тот же час?

Он задержался у табурета.

Она ответила ему блеснувшими глазами.

– С удовольствием.

Настя проводила его взглядом. Он весь, как и его гипнотические губы, уверенный и мягкий. В смысле, обходительный и с плавными, бесшумными, но очень чёткими, без суеты, коша-
чьими движениями. Павел открыл дверцу автомобиля и обернулся, шурясь от солнца, поднял руку в жесте прощания. Она взмахнула пальцами, уткнулась в них, оперевшись локтем о сто-
лешницу, и улыбнулась. Записала следующее четверостишие, глядя вслед его удаляющейся
машине. Набросала заметки по работе. Выпила ещё одну чашку кофе и отправилась в садик.

День выдался чудесный. Яркий, но не обжигающий. Она замедлила шаг, подглядывая
через забор за маленькими шкодливыми человечками, вышедшими на прогулку. Нашла дочку
по жёлтой ветровке. Полина каталась с небольшой красной горки вместе с двумя другими
девочками. Воспитательница незаметно сделала родительнице знак исчезнуть из поля зрения.
Настя зашла с главного входа и присела на деревянную лавку под сиренью.

Вот они прелести работы по свободному графику. Она ждёт Полю, не спешит и спокойно
корректирует черновик обсуждения на завтра, вдыхая майскую свежесть и ловя пригревающее
солнце. Вечером нужно отправить новую статью Егору и обещанные пять необычных для себя
поступков или действий для журнала Светки. Мысли тут же галопом умчались в кофейню.

Запасть на губы случайного соседа за столиком – вот один.

*Ждать несвидания с большим предвкушением, чем ждала настоящих свиданий, – вот
два.*

Перейти на «ты» после одного кофе — немыслимо для неё – и это три.

Захотеть поделиться идеей в процессе с другим человеком – четыре.

² «Если вы не уверены в своем вкусе, знайте: он у вас есть». Уистен Хью Оден.

Поймать себя на особой симпатии к имени на «-ша» — хотя всю жизнь моричилась на «Ма-ша, Са-ша, Та-ша», а теперь вдруг стала улыбаться, проговаривая про себя «Па-ша», — пять.

Стоп! Этого она никому вообще не расскажет. Придумает для подружки другие пять пунктов. Да, матушка, давненько у вас мужика не было, чтобы так головушку засносило. Вроде ничего особенного не произошло, а внутри огонёчки...

Павел приехал в центр с запасом времени. На одном из светофоров рядом остановилась машина, из открытых окон которой на всю улицу разносилось *«Чашку кофею я тебе бодрящего налью!»*, и водитель громко подпевал. Павел рассмеялся, посигналил поющему. До самого офиса песенка не отпускала, заставляя ухмыляться и выстукивать мотив на руле. На подъёме пролетела первая половина дня, переговоры, вычитка спецификаций, даже спор с Михаилом, его партнёром, о том, что цена аренды «в той дыре» завышена. Обед они пропустили, засидевшись за макетами разработок и получив доставку бизнес-ланча из рук заботливого помощника. Ближе к вечеру смотались уже вместе оценить новое помещение. Павел непроизвольно задержался взглядом на окне кофейни, в котором что-то наперебой обсуждали три юные подружки.

– Хочешь сначала по кофейку? – раздался голос Миши.

– Нет, – ответил резковато, понимая, что это место только «их», их с Анастасией. С Настей – они же на «ты». Этим не хотелось делиться ни с кем, даже с приятелем.

3. Блюдо (15 мая)

Настя и Павел зашли внутрь одновременно. Так получилось. Она увидела его, выходящим из машины. Он приметил её в боковое зеркало, паркуясь. Она задержалась на крыльце, поджидая, когда он закроет автомобиль. Он придержал дверь, пропуская Настю перед собой и вдыхая волну весенней свежести, окружавшую её. Таисия радостно им кивнула, обозначив уточняющее *«один чёрный и один с молоком»*, и развернулась к кофемашине.

Они заняли свои уже привычные места у окна. Настя села вполоборота к нему и без дополнительных вступлений с выражением прочитала:

*«А арбузное, ароматное,
знакомое, родное,
ажурное, не вечное,
щемяще вкусовое».*

Он слушал, немного склонив голову. Причмокнул своими одурманивающими губами.

– Вкусовое, мм. И снова «оно». Ощущение?

– Почти, – она улыбнулась.

– Вчера мы беседовали о вкусе. Сегодня ты выдаешь такой вкусовой кусочек. – Павел хлопнул ладонью по столу. – Чёрт возьми, я начинаю считать себя соавтором твоих четверостиший.

– Имеешь полное право. Так и есть. Ты не подсказываешь, но даёшь толчок, на который меня щёлкает.

– А после щёлкает меня. Теперь я хочу арбуз. Чтобы трещал, когда его режешь. Такой большой кусман полумесяцем.

– Чтобы сок брызгал и таял во рту, – добавила Настя, перенимая его азарт.

– Да-да, и стрелять косточками. Лопать его на открытом воздухе и выплёвывать их, метко целясь куда-то.

Они рассмеялись.

– Даже запах арбузный завитал вокруг! – Она втянула носом воздух.

– Как только появятся созревшие настоящие, организуем его поедание.

– Я запасу слюнявчики и тазики-мишени.

– Договорились!

Тая принесла кофе.

– У нас сегодня вкусные блины и омлет. Вдруг надумаете позавтракать.

Павел изогнул бровь, глядя на Настю.

– Почему бы и нет. Пора расширять горизонты.

Его глаза сверкнули. Она ухмыльнулась. Оба подумали не только о меню кафе.

– Несите два омлета, порцию блинов со сметаной и ещё по кофе.

– Сейчас будут, с пылу с жару! – Девушка метнулась на кухню.

– У тебя есть любимое блюдо? – Павел обмакнул блин в густую сметану.

– Макароны. – Настя расправлялась с пышным омлетом. – Люблю их в любом виде, от просто отваренных ракушек, слегка прижаренных в сливочном масле, до любой пасты в итальянском стиле с овощами, рыбой, фаршем или морепродуктами. Когда была маленькой, подворовывала их у мамы из шкафчика и грызла сухими. Делала бесчисленные бусы из разных по форме макароншек.

– Бусы-деликатес для маленькой хитрой Настёны, – хохотнул он.

– Сто процентов! Понимаешь, что реставрировались они постоянно?

– Не сомневаюсь, – согласился Павел. – Я обожаю плов, настоящий, со специями, с раскрывающимися чесночными цветками, растомлённый в казане. Никакие ризотто, паэлья и тяхан рядом не стояли. Даже обидно, когда суть плова пытаются объяснить незнающему человеку через сравнение с ними. – Он свернул второй блин. – Но рис сухим не грыз.

– Ха-ха! – Настя подцепила последний блин и переложила его себе на тарелку.

– Боишься, что не поделюсь? – поддел он.

– Перестраховываюсь, – пробурчала она. – Кстати, в противоположность – не люблю гречку. Даже от запаха её воротит, когда варится. При этом уважаю её за столь узнаваемый свой собственный аромат, как бы он ни был мне неприятен.

– Наверное, я всеядный. – Павел перешёл к омлету. – Хотя... Брокколи и цветная капуста. Бе-е! Обычная – нормально, пирожки с ней люблю. А эту, соцветиями, даже на вид не переносу.

Настя отложила вилку.

– Я тебя сейчас удивлю – во всяком случае, очень на это надеюсь!

Он перестал жевать. Она поджала губы, чтобы не рассмеяться.

– Я люблю ещё один коктейль, только в еде! Семифредо с персиками и базиликом!

Он застыл истуканом.

– Это что за зверь заморский?

Она закатила глаза. Он развёл руками.

– Зато я не делаю умное лицо и глупо не поддакиваю. Фрукты и трава... Хм... И красивое иностранное слово. Наверняка сочетаются. При всём моём незнании нюансов, это вроде бы десерт, так? С базиликом? Серьёзно?!

– Ты просто вынуждаешь меня устроить тебе дегустацию, – прищурилась она.

– Пиши список – я обеспечу продукты. Арбуз будет бонусом, – ответно усмехнулся он.

– Замётано. Как только наступит сезон больших ягод. – Она протянула ему руку.

– Поставлю напоминание в телефоне и дам указания секретарю внести в календарь. – Улыбаясь, он пожал её ладонь, чуть дольше задержав пальцы в своём мягком захвате.

– Мне пора. – Настя отняла руку.

– Спешешь на работу? – Он нехотя разжал свою.

– Дочку из садика забирать. Она только начала ходить туда.

– Дочку? – Сказать, что он был удивлён, – значило не сказать ничего.

Она рассмеялась, спускаясь с высокого табурета на пол.

– Мой ассоциативный коллега по кофейне, скажи уже сакраментальную фразу! – Настя широко улыбалась Павлу, откровенно забавляясь его растерянностью. – Ни за что не поверю, что ты не смотрел этот фильм хотя бы один раз!³

Он испытал шок, услышав про ребёнка, хотя сам не мог объяснить почему. Немного натянуто улыбнулся, встал, посмотрел на неё, опустил глаза, взглянул сверху вниз и не разочаровал:

– «Может ещё и муж есть?»

– «А что это меняет, если...» Ой, реплика на опережение. Перефразирую, хорошо? Что это меняет, если МЕНЯ к тебе тянет? – Её веселило происходящее и его реакция.

Павел рассматривал девушку вблизи. Её глаза оказались скорее зелеными, не карими.

– Предположу, следуя сюжету, что мужа никакого нет.

– Дочка есть, мужа нет. – Она не стала мучить его неопределённостью.

– Я могу повторить без перефразирования и без подсказок. – Ему стало легче дышать, но о причине он подумает позже. – Меня к тебе тянет.

³ «Москва слезам не верит», 1979, реж. В. Меньшов

– Взаимное притяжение. – Настя перестала улыбаться и серьёзно на него посмотрела. – Хотя странное. Не хочется выходить за рамки кофейни.

– Предпочитаешь оставить себе надежду? – Хотя надежда вернулась к нему самому после её подтверждения, что мужа нет.

– Скорее понаслаждаться этим хорошо-здесь-и-сейчас.

– Согласен. Хочется продлить это ощущение, будто знаешь другого человека очень хорошо и вроде бы не нужно лезть во все стороны его жизни. Хотя, если по-честному, узнать всё равно хочется.

Павел подался к ней, немного, но почему-то ощутимо и в прямом смысле осязаемо.

– Завтра в садике выходной? – не столько спросил, сколько подтвердил.

– И послезавтра тоже. – Настя немного отодвинулась. – Переварим немного эти три дня.

– Утра. Три утра. Увидимся в понедельник?

Она улыбнулась.

– У тебя есть бумажные книги?

– Да, – ответил, отмечая, что она впервые ушла от вопроса.

– Любые. Неважно, детские, журналы или толковый словарь.

– Словаря точно нет, только старенький школьный карманный англо-русский где-то был.

– Как-то так получается, что в каждую нашу встречу мне вспоминаются какие-то фразы, цитаты, герои. Изречения мудрецов. Слова известных людей. Можно дам тебе задание на выходные?

– Домашняя работа? – *Похоже, не ушла, а приблизилась в обход.*

– Типа того. Приди сегодня домой. Третья полка снизу вверх. Мы встретились тринадцатого мая – значит, тринадцатая книга слева направо. Если у тебя в ряду их меньше, переходи на следующий. Тридцатая страница. – Настя скорчила смешную рожицу. – Да, тридцатая – я люблю это число. Сколько тебе лет?

– Тридцать три.

– Тридцать третья строка сверху вниз. Если формат небольшой и строк окажется меньше, так же переходи на следующую страницу. Посмотрим, какие ассоциации возникнут у тебя и какую тему нам задаст такая арифметика на понедельник, – она дала ответ на его вопрос своим необычным способом.

Павел не позволил ей рассчитаться, и Настя снова удивила, спокойно приняв его предложение и не возмущаясь, без объяснений и разговоров о том, что способна заплатить за себя самостоятельно. *Потому что она и так самодостаточна и самостоятельна, без ненужных громких доказательств*, что очень ему импонировало.

Она шла в садик и улыбалась всю дорогу, улыбалась небу, новому дню и самой себе. Она явно шокировала его тем, что у неё есть ребёнок. И, что скрывать, ей польстило его неприкрытое огорчение и последующее за ним облегчение от того, что она свободна. Её к нему на самом деле тянуло, но не было желания думать насколько или загадывать наперёд. Одно она знала точно – *очень хотелось продолжать их утренние встречи.*

Он смотрел вслед Насте. Она будто парила, а не шла. Волосы свободно развевались, длинная юбка колыбалась вокруг ног. Он, безусловно, выглядел идиотом, когда она сказала про дочь – проглотил язык и задержал дыхание. Интуитивно чувствовал, что Настя не стала бы поддерживать их флирт, будь она в отношениях. И именно эта возможная ошибочность суждений напугала его в первый момент, немедленно разбившись о её прямоту. *Она интересна ему. Чем дальше, тем больше. Интересна как женщина, которую хочется узнавать и завоевывать.*

4. Книги (18 мая)

Настя попала под дождик, быстрый и сильный. Ничто не предвещало: ни прогноз, ни облака, ни солнышко. Налетел и улетел, испещрив её одежду пятнышками и покрыв волосы вуалью брызг. Она прикрыла глаза ладонью, приложив её козырьком, чтобы не размазалась тушь, и чуть не врезалась на пороге в Павла, распахнувшего для неё дверь кофейни.

– Ой! – вскинула голову вверх, обдав его едва ощутимой моросью. – Привет!

– Забегай! Привет! – Павел посторонился, пропуская Настю, и прикрыл дверь. – Если бы мы обменялись номерами телефонов, я бы тебя просто подхватил по пути, и ты бы не промокла.

Она резко остановилась и взглянула на него.

– Я особо не промокла. Скажем, освежилась, но спасибо. – Развернулась и прошла к табуретам, задумавшись о чём-то. – Секунду. – Кивнула то ли ему, то ли себе, достала телефон и отправила сообщение.

Он присел рядом, наблюдая за ней. Брови были чуть сведены, пальцы летали по экрану. Она быстро закончила, отложила телефон и улыбнулась.

– Привет ещё раз! Привет новому понедельнику! Мои выходные: много гуляли с дочкой, ездили на дачу, немного подзагорели, летали на качелях до головокружения, мыли-рыхлили-прибирались, совершили набег на детские магазины, – оттарабанила Настя. – Как твои?

Павел улыбнулся в ответ.

– Сначала ответь, дашь мне свой номер или нет.

Она крутнула телефон волчком по столешнице.

– Решу к пятнице. Твой тоже пока брать не буду.

– Хорошо. Объяснишь почему?

Она глубоко вдохнула.

– Бывало, что я шла на поводу у своих порывов, но они оказывались какими-то поверхностными. С тобой же вдруг захотелось... основательности, что ли. Конечно, вообще рано об этом говорить. Глупо звучит, но как-то так. Не хочу рушить эти ощущения никакой стремительностью.

– Звучит лестно и честно, – тихо произнёс он.

– А честность ты ценишь.

– Точно. – Он кивнул. – Перейдём к домашнему заданию?

– Ты подготовился? – У Насти загорелись глаза.

– Обижаешь! – Павел показал ей фото довольно старого и потрепанного издания со страницей «30» и отмеченной простым карандашом строкой «33». – Мне выпал Стивенсон «Остров Сокровищ»: *«копыта лошади пронеслись по нему и отшивырнули его»*⁴.

– Как ты считал строки? – Она пробежалась глазами по изображению.

– Все подряд, не пропуская даже тех, где одно слово. За него тоже можно зацепиться и раскрутить тему для размышлений.

– Что надумал по фразе? Вот самое первое, что пришло на ум? – Настя оторвалась от экрана.

– Опасно, боль, спасение.

– Не гибель? – Вернула ему телефон.

– Странно, но нет. Почему-то подумалось, что такая боль именно спасает от чего-то более страшного. Я давно читал, не вспомнил сцену.

– Перечитал потом? – Они оба поставили по локтю на край стойки, подперев щеку.

⁴ Р.Л. Стивенсон «Остров Сокровищ», гл.5

– Да, всю главу и дальше. Этим и занимался все выходные – перечитывал и думал о тебе. Она опустила взгляд, мимолетно улыбнувшись.

– Так уж и все выходные?

– Подловила. Не все, но большую часть. Наконец выкроил время помочь отцу с расчисткой сарая на даче. В воскресенье отоспался, потом почти весь день угрохали на обустройство нового офиса, подключали и тестировали необходимую технику. Вечера, поздние, провёл за книгой и мыслями о кофейной знакомой выдумщице. – Павел заметил её порозовевшие скулы.

– Я тоже думала о тебе, каждое утро. – Настя скользнула по нему взглядом. – Я не читала «Остров Сокровищ», хотя знаю, о чём там. – Она оттолкнулась от стола, распрямляясь. – Хочешь узнать мою первую мысль на слова строки? – Настя выжидательно посмотрела на него.

Павел кивнул.

– Наверное, я прозвучу негуманно, но мне увиделась лошадь. Грациознейшее животное. Даже когда напугано или в мыле, сохраняет неимоверную аристократичность.

– Поэтичность в тебе развили лошади? – приподнял он брови.

Она засмеялась.

– Никогда не задумывалась – вполне возможно, что сыграли не последнюю роль.

Настя пригубила незаметно возникший перед ней кофе.

– Я старшая в семье.

Павел не донёс свою чашку до губ.

– Я тоже.

– Рыбак рыбака, – хмыкнула она. – У меня сестра.

– У меня тоже. – Он сделал большой глоток.

– Моя младшая сестрёнка – девочка-девочка. А я такая девочка-свой парень. Я гоняла на великах где попало, разбивала локти и колени, лазила по деревьям и заборам, падала с них не единожды, ела кисляще-горькие незрелые ранетки, прыгала с крыш сараев и гаражей. Дралась.

– Дралась? – Павел искренне округлил глаза.

– Особенно за сестру. – Настя демонстративно сжала кулаки. – Кто косо посмотрит, всё, держись! Сама могла отхватить, но свою лепту вносить успевала. Однажды подсела к маме у телевизора. Мне было двенадцать. На каком-то канале показывали подряд все серии «В поисках капитана Гранта»⁵ – мама моя очень любит именно фильм.

– Я сам его люблю, больше книги.

– Аналогично. Хотя у Жюль Верна перечитала многое и люблю его истории. Мы с мамой смотрели кино почти до утра. Помню, она шёпотом спросила, кто из героев мне нравится. «Леди Гленарван», – так же шёпотом ответила я, не отрываясь от экрана. Такой ответ, как оказалось позже, её несказанно порадовал – моё женское начало подало голос. Я начала заплетать волосы, не требуя их укоротить и не собирая в обычные хвосты, носить платья и, не совсем по-маминому, но очень по-моему, бредить лошадьми.

– Не представляю тебя пацанкой, но легко могу представить верхом на лошади. – Он смотрел на неё очень внимательно и немного смущающе.

Настя тряхнула подсохшими волосами.

– Пару лет ездила на ипподром и в конюшни. Потом неудачно свалилась. Уже понимаешь, что падение было не первым. – Подмигнула. – Сильно подвернула ногу и какой-то блок появился. Долго после ездила просто помогать ухаживать за коняшками. Перечитала там же на сене кучу исторических и псевдоисторических романов, представляя себя в компании лошадей, то в плену, то в погоне, то на прогулках с кавалерами.

– Подростком я воображал себя погонщиком мустангов...

⁵ «В поисках капитана Гранта», 1986, реж. С. Говорухин

– Который по жарким прериям гонит табун диких скакунов, мечтая о гордой владелице далёкой асьенды, – продолжила она за него.

Он усмехнулся.

– Вчера, перечитывая «Остров Сокровищ», поймал себя на мысли, что погружаюсь не столько в самую книгу, сколько в приятные детские воспоминания. Как читал о героях Рида и приключениях у Верна.

– Книжки дарят целый мир, – мечтательно произнесла Настя. – Я люблю их, в том числе за своё собственное кино в голове во время и после чтения. Чем сильнее цепляет написанное, тем ярче возникающие картинки.

– Твои четверостишия дарят не менее чёткие образы, – признался Павел.

– Благодарю. – Она улыбнулась. – Кстати, о них. Я тоже выполнила самой себе заданное домашнее задание. И ты снова причастен.

Настя улыбнулась шире, видя, как он подобрался, словно готовясь к подвоху.

– В пятницу ты был так удивлён, одновременно растерян и в итоге доволен, и все эти перемены выдал за считанные секунды, так что я не смогла удержаться. Хочешь услышать?

Павел скрестил руки на груди.

– Хочу.

*Невероятное, удивительное,
когда невозможное сбывается;
сказочно-былинное,
радуги цветами меняется.*

– Состояние? Я хочу понять, о чём они. Все в среднем роде. Почти о молчании, почти об ощущении, почти о состоянии.

Она неопределённо похлопала ресницами.

– Про меня пятничного достаточно было банального «идиот», – он вздохнул и коротко рассмеялся. – Но это же ты, а значит, никаких банальностей. Прямо в душу заглянула про «невозможное сбывается»?

– В чужие не умею, прости. – Приложила руку к сердцу. – Самой так почувствовалось.

Сбоку раздался тихий шорох, Тая принесла счёт.

– Позволь сегодня рассчитаюсь я. – Настя перехватила кармашек с чеком и просительно добавила, глядя на его недовольное лицо, – хотя бы за себя.

Он покачал головой, проглатывая возражения.

5. Мебель (19 мая)

Накануне Павел час перерывал интернет в поисках цитаты на утро. Его никто не просил, но самому хотелось до такой степени, что сон не шёл, пока не попалась та фраза, на которой перемкнуло и сразу стало спокойно. Цитаты превратились в их с Настей негласную традицию. Они задавали тему, объединяли и словно подначивали узнать что-то новое. Девушка прямо дала ему понять, что их интерес друг к другу взаимен, но она хочет двигаться постепенно. При всём уважении к её позиции запрет на намёки и подталкивания в желаемом ему направлении наложен не был. *Как тут переключиться и не думать о той, кто задаёт такие задачи?!* Бездействие было не в его характере, как и напористое давление. *Главное — постараться не переборщить ни с первым, ни со вторым*, решил он для себя.

– Вчера ты появилась в дожде, а ушла, подарив мне свою рифмованную радугу, – начал он вместо приветствия.

– И? – Она остановилась возле табурета, глядя на Павла в упор.

– И раззадорила меня на подбор какого-нибудь изречения. Они всплывают при каждой нашей встрече. Настя, – он выдержал её взгляд, впервые называя по имени, – мне кажется, афоризмы нас сближают.

– Ты подготовил интеллектуальную ловушку? – она спросила с подозрением, а глаза загорелись.

– В которую угодил сам. Начал искать про единение, наткнулся про мысли о женщинах, подумал о тебе – и непостижимым образом появилась радуга.

Павел нетерпеливо сделал ей знак, прося сесть.

– Имя Дени Дидро⁶ тебе знакомо?

Она кивнула.

– Французский философ. Больше сейчас ничего о нём не скажу.

– Я теперь знаю его чуточку больше и в разы лучше понимаю.

– Не томи! – Настя даже голос повысила.

Павел улыбнулся и произнес по памяти:

– *«Когда хочешь писать о женщине, обмакни перо в радугу и стряхни пыль с крыльев бабочки».*

– Красиво. – Она помедлила. – Дидро, наверное, был влюблён, когда написал эти слова.

– Художник прозы? – Он провоцировал, проводя словесную параллель с самим собой, *ведь так назвала его Настя.*

– Однозначно. – Она улыбнулась.

– Влюблённый художник прозы, – растягивая слова, Павел шагнул на границу приятельского и личного.

– Любовь толкает на поступки, влюблённость – на поэзию и остроту восприятия, – Настя ушла на более общую территорию, оглянулась на кассу и спросила как ни в чём не бывало:

– Как думаешь, местные специально придерживают для нас эту стойку?

– Конечно. – Павел наклонился в её сторону. – Я с ними договорился.

Она фыркнула.

– О, всемогущий господин!

– Скажи, вот вроде ты на виду у всех, – он указал на вид из окна, – выше других столиков внутри и как на витрине снаружи, но...

– ...но ощущение, что ты в укромном уголке, таком своём-своём, – договорила она за него.

⁶ Дени Дидро (1713-1784) – французский писатель и драматург, философ-просветитель

– Абсолютно. – Они опять приблизились к грани личного.

– Только табуреты я бы заменила на стулья. – Не соскользнула с пограничья, отвела взгляд. – Мне очень нравятся детские стульчики для кормления, которые трансформируются, их можно подрегулировать под высоту стола, и ребёнок в комфорте, с широкой спинкой, на уровне и вместе со всеми.

– Такие бывают? – Павел чуть отклонился на своём сиденье.

– Представь себе! Я досконально изучила вопрос, подбирая стульчик для Поли. Для дочки, – уточнила Настя, немного запнувшись на проскочившем имени. – Сама бы в таком посидела. Он широкий, с углублением, не плоский. Обхватывающие края, фиксируемые подлокотники. Мечта, а не стул!

– Дочка оценила?

– Очень на это надеюсь. Во всяком случае, не капризничает и не пытается его покинуть в ту же минуту, как в него попадает. – Постучала по дереву и приняла кофе от Таи.

– Я обожаю гамаки, – поддержал он мебельную тему. – Они подстраиваются под тебя. Можно сидеть, лежать, принять положение наполовину. Завернуться в него, упав в самую середину, или перевернуться на край, используя второй как своеобразную спинку. Люблю в них качаться и думать.

– Как проникновенно ты описываешь! – Она заодно на него посмотрела. – Легко можно заочно стать поклонником этой подвесной лежанки.

– Хочешь сказать, что никогда не качалась в гамаке? – Павел недоверчиво покосился на неё.

– Как-то не пришлось. – Настя пожала плечами. – Два столкновения с ним нас совсем не сдружили.

– Столкновения – звучит устрашающе. Кто на кого напал? – Он еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. – Или выпал?

– Смейся-смейся, укротитель гамаков!

Павел фигурально застегнул молнию на губах, дразня её искрами в глазах.

– Первый раз, ещё в детстве, я взялась помогать папе разложить сетчатый гамак на полу. В итоге запуталась, как рыба в неводе.

Он расхохотался, живо представляя себе её недовольство от беспомощности, только в верёвочных силках в его воображении Настя была совсем не маленькой возмущённой девочкой, а такой, как сейчас сидела перед ним, требующей прекратить заражать её издевательским весельем.

– А второй случай? – Павел ждал продолжения.

– Теперь точно лопнешь со смеху! – Она ткнула в него пальцем. – Другой гамак был плотным, без дыр и ячеек, я душевно плюхнулась, его крутануло, как фантик конфеты, и я также душевно плашмя шлёпнулась на землю.

Он подавился смехом, она сверкнула глазами и тоже засмеялась.

– Я даже не выпала из него – он меня нагло выплюнул.

Павел похлопал себя по бедру, пытаясь отдышаться.

– У меня даже в квартире есть гамак.

Настя удивлённо выпучила глаза.

– Шутишь?!

– На балконе. Как-нибудь покажу. – Он снова потянул их за грань.

– Поверю на слово, – и снова не поддержала она.

– А у тебя есть укромный или просто любимый уголок дома? – Павел наблюдал за ней поверх поднятой чашки.

– Я люблю писать или читать на кухонном подоконнике, или просто смотреть, как солнце садится. Обязательно с большой кружкой чая рядом...

Настя рассказывала и обводила указательным пальцем ручку кофейной кружки, по изгибу вниз, погладив основание, снова вверх, туда-сюда по самой верхушке и на очередной виток. Движение тонкого женского пальца с удлинённым овальным ногтем завораживало его. Он не заметил, как начал представлять, что этот пальчик так же обводит его ухо. От неожиданности дёрнулся, смаргивая явственное ощущение её прикосновения, и звякнул ложечкой о блюдце, ставя на него свою чашку. Настя замолчала, отвлекаясь на его движение.

– Ты живёшь на верхнем этаже? – Павел задал первый пришедший на ум вопрос, пытаясь восстановить самоконтроль.

– На седьмом. Твой гамак, полагаю, тоже не на балконе первого этажа. – Она отодвинула чашку.

– На десятом, с видом на парк. – Он улыбнулся.

– Высоко сидим – далеко глядим. – Настя поправила сбившийся кулончик на коротком шнурке, вернув его в ямку в основании шеи, непреднамеренно удваивая его старания поймать прежний непринуждённый настрой.

– По рассказам моей бабушки, в старину считали, что душа человека помещается в углублении между ключицами. – Павел указал взглядом на её украшение, пряча руки под столешницей. – В ямочке на шее. Примерно здесь же, на груди, по обычаю, хранили деньги. Если человек был беден, то про него говорили, что у него «за душой ничего нет».

Она внимательно слушала.

– Как интересно меняется или добавляется значение слов со временем, – Настя озвучила его мысли. – Не знала, что душа живет именно в этом месте. – Потрогала свой кулон. – Так вот где оставляют поцелуй в душу! – воодушевлённо посмотрела на Павла и осеклась под пронзительным взглядом.

Он медленно вернул руки на стол.

– Ты не перестаёшь меня удивлять. – Расслабил плечи, покачал головой. – Я ей про нищих, она мне про поцелуй в душу.

Она неувовимо улыбнулась.

– Завтра твоя очередь. – Павел разрядил повисшее молчание.

Настя снова смотрела на него, немного настороженно. Он усмехнулся.

– Выбери: или готовишь цитату, или...

Она засмеялась.

– Прочитаю новое четверостишие.

6. Удивление (20 мая)

Его обслуживал новенький официант – Таисия поменялась сменами на сегодня. Настя не пришла. Ни раньше, ни вовремя, ни спустя пятнадцать минут. Привычный кофе с молоком остывал нетронутым. Павел сидел, невидящим взглядом уставившись в окно. Рядом раздалось покашливание. Парень-бариста, который всегда находился за кассой и не выходил в зал, протягивал ему какую-то бумажку.

– Вам просили передать. Ваша... хм... девушка. Почерк у меня ужасный, поэтому записывал печатными буквами. Если не сможете разобрать, я рядом. Подскажу.

Записка напрягла, фраза «*ваша девушка*» прозвучала музыкой. Павел взял листок, поблагодарив.

«Привет. Приболела дочка. Я решила раньше пятницы». И номер телефона, накарябанный крупными отдельными цифрами.

Чувство досады и бессилия сменилось радостью и растекающимся по венам осознанием, что она о нём думает. Он сохранил её номер и тут же отправил «Привет!» в мессенджере.

Настя почти не спала этой ночью. Уложив Полинку, засиделась допоздна за набросками новой статьи и позволила себе дочитать книгу. Новый стишок был готов ещё в прошедшие выходные, остальные буквы пока молчали и не отзывались, с какой бы стороны она к ним ни подходила. *Иногда полезно взять паузу и передохнуть, зато потом хлынет поток идей!* – подбадривала она саму себя, памятуя прошлые разы похожего стопора.

В два часа ночи потянуло полежать в ванне. Она пошла на поводу у своего внезапного желания. Вообще, ночь была её любимым временем суток, размеренным и каким-то правильно полезным. Она могла переделать кучу дел, причём без раздражения и лишней суеты, или просто послушать тишину, сидя на своём восхитительном подоконнике.

Настя уснула ближе к трём утра, чтобы через полчаса быть разбуженной громким сопением дочки. Поля забеспокоилась, начала вертеться, и в итоге почти час они боролись с заложенным носиком, умывались, пили, искали заблудившийся сон и подбивали повыше подушки, чтобы не раскашляться. А когда ребёнок наконец успокоился, мысли Насти снова полетели к Павлу.

Хотя они особо от него и не улетали – перед собой можно было не скрывать и не отрицать от действительности. Он ей нравился, а ведь завтра они с Полей останутся дома, так что нужно его предупредить. Не просто нужно – ей В-А-Ж-Н-О его предупредить. Ожидая загрузку в поисковике, Настя нервно барабанила пальцами по колену. Выдохнула, чересчур распереживавшись, что номера кофейни может не оказаться в справочной информации. Но всё удалось, она записала телефон в блокнот, продублировав во вкладке Контакты, поставила будильник на 07:30 и сама отключилась на пару часов.

Проснувшись до запланированного времени подъёма, тихо переместилась на кухню и позвонила – благо кофейня работала круглосуточно. К сожалению, Таи на месте не оказалось. Пришлось оставить сообщение через незнакомого парня, который, правда, тут же определил для кого её послание: «*Ваш молодой человек, с которым кофе пьёте по утрам за стойкой у окна?*» Дополнительные объяснения не потребовались, а слова «*ваш молодой человек*» немного смутили и неожиданно согрели. Настя сварила кофе, предупредила воспитательницу, что до конца недели подлечит дочь и понаблюдает за ней, и теперь подгоняла минуты, постоянно проверяя телефон. В 08:15 она собралась повторно позвонить в кофейню, как вдруг с незнакомого номера прилетел такой долгожданный: «Привет!»

«Потерял меня? Привет!» – набрала она.

На той стороне мира Павел, сидя на диване, взъерошил волосы всей пятерней. *Фух, жизнь налаживалась!* К этому моменту он успел пять раз перепроверить, правильно ли вбил цифровую цепочку: *«Собирался объехать ближайшие садики в округе».*

«И кого бы ты там искал?»

Настя уселась удобнее за столом, сжимая телефон обеими руками и забыв про кофе. *Он беспокоился. И как же это было приятно.*

«Девочку Полю, у которой мама Настя».

Она читала и широко улыбалась экрану.

А он и вправду готов был так поступить, прикидывая, что раз ребёнок только начал ходить в садик, ему, скорее всего, не больше двух лет, а значит, нужны самые младшие группы.

«Спасибо, что появилась и спасла меня от сердечного приступа», – выслал, не дожидаясь её ответа.

«Берегу тебя».

Павел читал и, как дурак, улыбался экрану.

«К тому же не хочу пропускать свою очередь. Лови для размышлений: “Познание начинается с удивления”».

«Это Аристотель», – ответил он без малейшей заминки, а она-то надеялась покидать ему наводки.

«Ты знал?» – неожиданное попадание получилось.

«Честно? Знал. Хотя смысл понимать начинаю гораздо глубже только сейчас. Могу лишь повторить, что ТЫ не перестаёшь меня удивлять».

«Могу лишь добавить, что для меня это один из лучших комплиментов — уметь удивлять. Спасибо!» – Настя искренне так считала.

«Как и уметь удивляться», – добавил он вдогонку.

«Точно. И ты умеешь!» – вспомнилось его лицо, когда она упомянула семифредо с базиликом, не говоря уже про новость о дочери. Настя хихикнула.

«Как оказалось», – с ней Павел, бесспорно, открывал много нового для себя.

«Напрашиваешься на похвалу?»

«Напрашиваюсь на другую добавку», – прозвучало с подтекстом, ну и пусть!

«?» – напечатано и отправлено, с не озвученным в голове: *«Что же ты имеешь в виду, мой мастер намёков?»*

«Четверостишие?» – он не сомневался, что она умеет читать между строк, но переступать черту не стал.

«Не облопаешься? У тебя уже есть цитата и мой номер!» – игриво возмутилась Настя.

«Не-а, я — обжора!» – поддержал её тон Павел.

«Ненасытный!» – она выбрала верную характеристику. Он влип, встрял и пропал, ему хочется почувствовать её присутствие, запах, смех, прямой взгляд. Хочется её всю.

«Е сли бы да кабы, тогда бы...

мучиться, сожалеть?

Как мы с частицей слабы...

А если отринуть её? Посметь!»

Настя отправила и замерла. Павел прочитал дважды.

«Звучит как очередь выстрелов. Никаких описаний?» – новая задача.

«Никаких прилагательных в этот раз. Одни глаголы».

«Должно быть, про “оно”. Почти действие? Или почти решение?»

Он так внимателен к деталям, а она ценила это в мужчинах.

«Почти», – Настя не думала, что заданные самой для себя на определённую тематику рифмы превратятся в такие размышления и отражения их общения.

«Сколько букв мне ещё мучиться?» – перед глазами всплыл ряд из как минимум десяти символов, который она показывала ему в то первое утро их совместного распития кофе.

«Почему же мучиться? Разгадывать и поражать меня своими ассоциациями».

Павел словно увидел её изогнутые в восклицании брови.

«С такого ракурса я готов пройти весь алфавит», – мысленно добавил к её поэме латиницу и арабскую вязь.

«Вот это разговор! А то мне слышалось нытьё?..» – она улыбнулась и прижала ладони к щекам.

«Интриганка! А понять всё-таки позволь. Чуть-чуть. Ещё просьбу?» – у него их был миллион и больше: вопросов, просьб и желаний.

«Наглеете, Павел! Прямо на глазах, хоть я и не вижу!» – Настя словно на самом деле увидела его прищуренные глаза.

«Пожалуйста!»

Прищуренные глаза и умопомрачительные губы, выдыхающие с растяжкой гласные.

«Последнюю!» – да у него сегодня пир горой, пора притормозить.

«Полчаса назад я сидел здесь как прибитый, не зная, с чего начать поиски тебя. Скажи мне свою фамилию», – надеялся и одновременно не ожидал от неё столь быстрого положительного ответа.

«Яровая».

Пшеничные поля, солнце и эмоциональный вихрь – пронесли в его голове внезапные параллели.

«Ты моя Омега».

Настя дотронулась пальцем до слова «моя» на экране телефона.

«Да ладно?!»

«Разреши представиться: Павел Арбатов».

«У неё красивое мягкое имя и очень стремительная фамилия» / «у него напевное мягкое имя и очень характерная фамилия», – подумал каждый из них.

Настя свернула их разговор, написав, что дочка зовёт, и спрашивая, не пора ли ему на работу. Действительно пора. Он не заметил, как пролетело время. Рассчитался за так и простоявший рядом без дела кофе.

«Лечитесь! Кофе без тебя не пьётся. Будем на связи?»

«Спасибо! Кофе без тебя невкусный. Будем».

7. Мечта-желание (21—25 мая)

Настя добирала сон вместе с Полей в дневные часы отдыха. Дочка не разболелась, отделилась промываниями и ромашковым чаем. Садик тем не менее отложили до понедельника. Она много работала, подсознательно стараясь максимально высвободить время на следующей неделе.

Павел окунулся в подготовку разработок для нового проекта, держа на контроле процесс, в который были вовлечены проверенные инженерные специалисты. Приближался срок переговоров, и его команда доводила до ума предварительный договор с новым клиентом. Юристы не оставляли его в покое, Мишка уехал на пару дней проследить за поставкой следующей партии товара. Он подсознательно погрузился в работу, чтобы на следующей неделе иметь возможность спокойно кофейничать с Настей по утрам.

Пять дней: три рабочих и два выходных. Они не виделись пять дней, при этом перешли на новый уровень сближения. Оба начинали утро с виртуальной чашки кофе, спонтанно договорившись, что засчитываться будут только реальные при встрече.

«А мы ведем какой-то счёт?» – уточнила Настя.

«Таисия ведёт. У них существует бонусная система для постоянных клиентов», – пояснил Павел.

«Пропустила этот момент. Хотя не удивлена, что Тая предпочла именно тебя ввести в курс дел».

Что это, укол ревности?!

«Не ревнуй! Меня интересует только ты».

А внутри стало невероятно хорошо от её реакции.

В такой тональности протекала их переписка в эти дни, независимо от времени суток. Приветственная, дразнящая, подогревающая и объединяющая.

Выходные пролетели насыщенно и как-то ощутимо по времени, в семейных кругах. Настя «батрачила» на родительской даче, принимала солнечные ванны с Полиной и красила навес над песочницей в цветик-семицветик. Павел, промотавшись субботу между офисами, заехал в воскресенье на обед к своим родственникам и задержался до позднего вечера, потому что нагрянула любимая тётушка, которая не выпустила племянника, пока Павлуша не поведал ей о своей жизни, работе и сердечных тайнах.

«И ты поведал?» – Настя расположилась на тёплом крыльце, ожидая, когда мама закончит сборы.

«В подробностях под охи и ахи. Одна-единственная тайна осталась тайной», – он сидел в машине возле своего подъезда, только что вернувшись домой.

«Получается настоящая тайна», – она не спросила напрямую, но любопытство сквозило в каждом слове.

«Моя мечта-желание, о ней нельзя говорить вслух. Хочу, чтобы сбылась», – Павел посмотрел в окно на закатное солнце и очень ясно увидел переливчатые глаза Насти.

«Молчи. И мечтай. Желания сбываются!» – она посмотрела на закатное солнце и ясно ощутила на себе взгляд Павла.

Так всё завертелось и так хотелось продолжения, без намеренного форсирования. Но и не пускать совсем на самотёк, потому что *точно хочется, точно интересно, точно ждёшь понедельника, и утра, и кофе на двоих*.

И губы его видеть. И самой себе со стеснением признаться, что манят притронуться к ним.

И руки её глазами ловить в движении или покое. И прикасаться к ним невесомо. И чувствовать ЕГО влечение.

И чувствовать ЕЁ отклик.

– Привет! – Павел подждал её у стойки.

– Привет! – Настя остановилась и посмотрела на него во все глаза, улыбаясь.

– Соскучился по тебе!

– Соскучилась по тебе!

Произнесли враз и рассмеялись. Он протянул ей руку ладонью вверх. Она вложила в неё свою. Он слегка её пожал, приподнял и скользнул губами по пальцам. Руки у обоих не были холодными, и всё равно тепло будто перетекало друг к другу, сливаясь в единый поток. Она сглотнула, улыбнулась, позволяя удерживать свою ладонь, проводить к табурету и помочь взобраться на него.

– Насть, – Павел ждал, когда она устроится поудобнее на сиденье.

– Что? – Настя подняла на него взгляд, откладывая сумочку в угол к стене.

– Ты мне очень нравишься. Я чувствую, что тоже тебе небезразличен. – Он внимательно посмотрел ей в глаза. Она кивнула.

– Мне также очень нравится, что мы честны и не юлим.

Настя снова кивнула.

– Мне тоже.

– У каждого из нас есть прошлое и настоящее. Я был женат. Несколько лет как разведён. Детей нет. Сейчас свободен. – Павел принял кофе у Таи и сам поставил перед Настей чашку. – Ты чётко обозначила, что дочка есть, мужа нет. Настоящее мне понятно. Мне нужно знать, насколько тот мужчина в прошлом.

Она кивнула в третий раз.

– Оправданно.

Он продолжал смотреть ей в глаза.

– Где отец твоей дочери?

Настя откинулась назад.

– Не знаю.

Павел молча смотрел на неё. Она улыбнулась.

– Пытаешься не сделать необоснованных выводов?

Он усмехнулся.

– Ты задал не совсем верный вопрос.

Он продолжал молча на неё смотреть.

– Не где, а кто отец? – Она выдержала его взгляд. – Но ответ тот же: я не знаю.

Павел перестал моргать.

– А вот теперь я действительно пытаюсь не сделать необоснованных выводов.

– В мою пользу или в его? – Настя прищурилась. – Мы же честно, только правду, помнишь?

Он моргнул.

– Ты не похожа на ту, что прыгает из постели в постель, меняя любовников каждый день. – Павел помедлил. – Изнасилование?

Она покачала головой.

– Я не прыгаю из постели в постель. И изнасилования не было. Был разовый контакт по обоюдному согласию. В тёмном закутке на одном ночном сборище. Потянуло в толпе, мы поддались. Почти не разговаривали и толком не видели лиц друг друга. Он не сволочь, не подлец. Он просто незнакомец. Началось, состоялось и закончилось. И у меня теперь есть дочь. Я бы рассказала ему о ребёнке, только совершенно его не знаю. – Она отпила свой кофе без сахара, но, кажется, даже не заметила этого. – Так что тот мужчина в прошлом. У меня были отношения. Я не была замужем. Сейчас я свободна, и у меня есть моя Поинка.

– Ты не жалеешь? – Ей удалось опять его удивить.

– Я счастлива. – Настя улыбнулась, сделала ещё глоток. – Я всегда хотела детей. И первой всегда именно дочь. Я так сильно мечтала о девочке, что, уже будучи с пузиком, проговаривала сама себе: *«Если родится мальчик, буду его любить так же и преодолевать свой страх, воспитывая его достойным мужчиной»*. С двадцати пяти лет целенаправленно подбирала кандидата в отцы. Но, видимо, действовать продуманно не моё. То экстерьер не тот, то интерьер запущен. Несколько попыток не увенчались успехом забеременеть. Я даже решила, что, возможно, бесплодна.

Она подвинула чашку к нему, приглашая выпить напиток горячим. Павел добавил сахар.

– Я думал, тебе не больше двадцати семи.

Настя усмехнулась.

– Мне полных тридцать два года!

– Невероятно! – Он держал чашку, так и не пригубив. – Ты пыталась его вычислить?

– Нет. Это была не вечеринка узким кругом. Знаешь, порой на городские праздники устраивают дискотеки и концерты, народ пьёт, тусит, общается, свет мельтешит, тени расплываются, и тебе плевать, кто вокруг – они все сливаются в массу движения, драйва и какой-то свободы.

– Не боялась что-то подхватить?

– Честно, в тот момент вообще ничего не боялась. Хотелось просто отключиться и отпустить себя на волю волн, так сказать. Ни одной мысли о предохранении. На следующий день пришла в себя и побежала сдавать анализы и проверяться. Всё обошлось, слава богу. А через три недели поняла, что моя мечта-желание о ребёночке осуществляется.

Она прижала пальцы к дну его чашки и надавила, заставляя поднести её к губам.

– Пей, нам же нужно зарабатывать бонусы!

Павел фыркнул и подчинился. Настя помедлила и продолжила:

– Вот он, плюс того, что мы с тобой не встречаемся, а просто пьём по утрам кофе. Иначе ты бы меня не выслушал. А так ты, может, и подумал про себя обо мне самые нелестные вещи, но дал мне рассказать и не стал перебивать.

– Ты права, – задумчиво проговорил он. – Странно, что именно близким людям мы не предоставляем роскоши быть услышанными, а не додуманными. Всё равно хочется первую часть твоего плюса превратить в минус. – Он поймал её взгляд. – И начать встречаться.

– Паш. – Он вскинул голову, отзываясь на своё краткое имя из её уст. – Я довольно быстро сходилась в пару, каждый раз думая, что сейчас хорошо, а всё остальное дальше узнаем, спросим, выясним и так далее. Однажды так навьяснялась, что от самой себя противно стало. А с тобой, – Настя накрыла его руку своей, – от каждой встречи, слова, присутствия такое удовольствие и чувство, что вот так и должно быть.

Павел смотрел на пальцы, едва прикасающиеся к его коже, и хранил молчание, боясь спугнуть.

– Я понимаю, что можно месяцами балдеть от посидеть рядом и прижаться локтями лет в пятнадцать. Проявлять некую неприкосновенность неделями в двадцать. В тридцать же делать вид, будто я не замечаю, что нас притягивает друг к другу, по меньшей мере глупо. Я честно признаю наше взаимное притяжение. Вижу и ощущаю его даже через телефонные сообщения. И также честно тебе говорю: мне хочется подрастить это время знакомства.

– Что ж, попробуем вернуться в пятнадцать и немножечко в двадцать? – Он хитро на неё посмотрел.

– Но только в плане неспешности. Юмор и ум я хочу на все твои тридцать три.

Павел засмеялся. Настя легко сжала его пальцы и тоже засмеялась.

8. Забота и ограждение (26 мая)

На улице внезапно посвежело. Павел объехал территорию садика возле нового офиса, который более всего походил на тот, куда Настя могла водить дочку. Он как раз зашёл на второй круг, когда увидел её саму, выходящую из калитки. Она запахнула объёмный вязаный кардиган и направилась в сторону кофейни, глядя поверх забора на окна второго этажа. Он сбавил скорость до минимума и последовал за ней, наблюдая. Изящная. В который раз это слово само, без приглашения, устремилось к ней. Лёгкая походка, покачивание волос, собранных в простой хвост. Вдруг она присела и погладила головки ярких одуванчиков, целой семейкой проросших из-под бордюра дорожки. Павел поравнялся с ней, посигналил, но Настя не обратила внимания на звук гудка. Убрала за ухо выбившуюся прядку и юркнула на тропинку, ведущую через двор.

Он припарковался и заметил её спину, мелькнувшую за закрывающейся дверью кафе. Непроизвольно подумал, что она вся пока так же ускользает от него. Как ветер. Ты его чувствуешь, видишь движение, знаешь, что он дует прямо сейчас, но поймать не можешь. Только подставить ему лицо, открыто, и он окутает тебя своей воздушной лаской.

Настя читала меню, когда он вошёл.

– Доброе утро! Будешь завтракать? – Показала ему разворот с соблазняющими фотографиями омлетов и выпечки.

– На твой выбор, – согласился Павел. – И привет!

Она соскочила со стула и, не дожидаясь официанта, сделала заказ у кассы.

– Такая голодная? – Он пытался понять её нетерпение.

– Немножко взвинченная. К тому же пусть будет сюрпризом для тебя сегодняшний утренний перекус. – Настя положила локти на край столешницы и отбивала глухую дробь подушечками пальцев.

Павел тоже облокотился.

– Я не против. Люблю сюрпризы от тебя.

– Мхм, – она забрала обе чашки подоспевшего кофе, добавила сахар в его напиток, размешала и передала из рук в руки.

– Настя, что-то случилось? – Он принял блюдо, не успев перехватить её руку.

– Много мелких раздражителей за очень короткий промежуток времени. Чтобы ни на ком не сорваться, направляю энергию в мирное русло.

– Шепчешь заговоры над одуванчиками. – Павел спрятал за чашкой довольную улыбку, увидев её удивлённое лицо. – Я проезжал мимо и видел, как ты колдовала. Посигналил, но где мне тягаться с участниками волшебства!

Она улыбнулась и выдохнула, расслабляясь.

– Шпионил за мной. Хотел вывести заклинание на цветах-цыплятах?

Он поднял руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.